

УДК 333.160.2 (471.327)

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ, СОЦИАЛЬНЫЙ И ВОЗРАСТНОЙ СОСТАВ
РАСКУЛАЧЕННЫХ КРЕСТЬЯН ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ**

© В. А. ВЛАСОВ, А. В. ТИШКИНА

Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского,
кафедра отечественной истории
e-mail: vlasov.penza@mail.ru

Власов В. А., Тишкина А. В. – Национальный, социальный и возрастной состав раскулаченных крестьян Пензенского края // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 533–539. – В статье рассматриваются вопросы, связанные с проведением политики коллективизации и раскулачивания в Пензенском крае. Это позволяет на местном материале раскрыть сущность одной из актуальных проблем современной исторической науки. Основное внимание уделяется таким характеристикам раскулаченных, как национальность, социальное положение и возраст.

Ключевые слова: Отечественная история, XX век, экономическое развитие, коллективизация, раскулачивание, выселение раскулаченных крестьян пензенского края.

Vlasov V. A., Tishkina A. V. – The national, social and age composition of the dispossessed kulaks of the Penza region // Izv. Penz. gos. pedagog. univ. im. V.G. Belinskogo. 2012. № 27. P. 533–539. – The article is devoted to the issues, connected with the collectivization policy and dispossession of the kulaks in the Penza region. It enables us to reveal the main point of one of the pressing issues of the contemporary historical science on the basis of local material. Serious consideration is given to such characteristics of the dispossessed kulaks as nationality, social position and age.

Keywords: Russian history, XX century, economic development, collectivization, dispossession of the kulaks, eviction of the dispossessed peasants of the Penza region.

Одним из самых актуальных и наименее изученных вопросов в современной историографии проблемы раскулачивания является вопрос о категориях раскулаченных крестьян. В этой связи историков интересуют, например, возраст, национальность, степень зажиточности крестьянских семей. Этот интерес подтверждается исследованиями современных ученых [3]. Например, в диссертационном исследовании А. А. Ракова, посвященном раскулачиванию на Южном Урале, автором был реконструирован социальный портрет раскулаченных крестьян указанного региона. Это мужчина, русский, в возрасте 45,5 лет, с семьей из 5 чел., кулак, лишенный избирательных прав в 1929–1930 гг. за эксплуатацию батраков и использование сельхозмашин, не восстановленный в правах, не судимый, раскулаченный в 1930 г. по второй категории [11]. Подобный подход позволяет увидеть как общие тенденции в проведении раскулачивания, так и частные проявления этой политики в деревне.

В этой связи прослеживается тенденция к региональному рассмотрению данной проблемы [1]. Материалы Государственного архива Пензенской области позволяют изучить личные дела лишенных избирательных прав, раскулаченных, выселенных кре-

стьян. В них, помимо прочего, содержатся данные о возрасте, национальности, имуществе главы семьи. Обогащать эти сведения помогают повагонные списки выселяемых.

Итак, в законодательных актах, определяющих процесс проведения коллективизации и раскулачивания, не встречаются прямые указания на влияние национальности на ход проведения раскулачивания и выселения. Однако косвенные свидетельства все-таки имеются.

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) о мерах и темпах коллективизации в национальных районах от 20 февраля 1930 г., коллективизация и раскулачивание должны были проводиться медленным темпом. Прежде всего имеются в виду районы Узбекистана, Чечни, Ингушетии, Дагестана, Киргизии, Туркменистана, Кабарды. Отдельно идет речь о кулаках иностранного гражданства [5].

Северный Кавказ и Средняя Азия на фоне остальных регионов выделялись значительным количеством волнений. Кроме того, внимание к национальным районам часто было обусловлено практическим интересом: в них развивались особые отрасли сельского хозяйства.

С этой точки зрения Пензенский край вызывает особый интерес как многонациональный район. В документальных источниках встречаются упоминания о чисто языковых трудностях в процессе организации колхозов. Поэтому местным органам ставилось в вину отсутствие для работы в деревне кадров, знающих язык и обычаи населения. Также во вновь созданных колхозах местами наблюдался антагонизм между русскими и татарами в процессе совместной работы, а также тенденции группирования в колхозах по семейному принципу [12].

Материалы нашего исследования охватывают 3409 проанализированных характеристик крестьянских семей. Национальность указана в 2382-х случаях. Из этого количества русские среди раскулаченных составляют 2064 чел. (86,6 %), мордва – 193 чел. (8 %), татары – 107 чел. (4,5 %), украинцы – 18 чел. (0,8 %) [8]. Национальный состав населения по районам Пензенского края в 1931 г. был представлен следующими цифрами: более 80 % русских, более 10 % мордвы, около 4% татар, примерно 0,1 % украинцев, 0,4 % представителей других национальностей [9]. По результатам переписи населения 2002 г. в Пензенской области проживало 86,4 % русских, 6% татар, 4,9 % мордвы, 2,7 % других национальностей [4]. Таким образом, эти цифры примерно соотносятся между собой, а следовательно, национальность не являлась критерием для раскулачивания в Пензенском крае.

Обратимся к социальному положению раскулаченных. Материалы фонда Пензенской избирательной комиссии свидетельствуют об «осередничивании» пензенского крестьянства к концу 1920-х годов [2]. Если проанализировать имущественное положение крестьян-лишенцев, можно заметить значительное сокращение количества земли по сравнению с дореволюционным периодом. Подобные процессы произошли и с количеством сельскохозяйственных предприятий, домашнего скота. Однако есть и единичные примеры удачного ведения хозяйства, когда крестьянин в период НЭПа увеличивал земельный участок, занимался торговлей. В период коллективизации обе категории крестьян подверглись раскулачиванию, независимо от времени укрепления их хозяйства.

При проведении основных хозяйственно-политических кампаний 1920-1930-х гг. большую роль приобретали признаки кулацких хозяйств, по которым предстояло дифференцировать население деревни. В законе о едином сельскохозяйственном налоге (ЕСХН) эти признаки были конкретизированы. Дело в том, что по этому закону только кулацкие хозяйства могли привлекаться к налогу в индивидуальном порядке. Однако на практике проблема не была решена. Существовало множество нюансов и всевозможных оговорок.

Основные признаки явно кулацких хозяйств, определенные Постановлением СНК РСФСР от 22 марта 1929 г., включают:

хозяйства, привлеченные в 1929/1930 окладном году к индивидуальному обложению;

хозяйства, систематически отдающие в наем сложные сельхозмашины с механическим двигателем;

хозяйства, имеющие мельницу, маслобойку, крупорушку, просорушку, волночесалку, шерстобитку, терочные заведения, картофельную кладовую или овощную сушилку и другие промышленные предприятия, при условии, если в этих предприятиях применяется механический двигатель или наемный труд, независимо от того, освобождены ли эти хозяйства от единого сельхозналога в индивидуальном порядке или нет;

хозяйства, имеющие ветряную или водяную мельницы с двумя или более поставами, независимо от того, обложены ли эти хозяйства в индивидуальном порядке или нет;

хозяйства, арендующие пахотную землю в размерах, превышающих трудовую норму, а также арендующие промышленные сады и огороды, при условии, если в этих хозяйствах систематически применяется наемный труд, независимо от того, обложены ли они в индивидуальном порядке или нет.

Признаки кулацких хозяйств были сформулированы и в Постановлении СНК СССР от 21 мая 1929 г. «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде». В принципе, они соответствуют вышеуказанным. Кроме того, 1 февраля 1930 г. было принято Постановление ЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и борьбе с кулачеством» [14], в котором отменялся закон, разрешающий аренду земли и применение наемного труда. Впоследствии перечень признаков неоднократно дополнялся, и с 1931 г. это право было предоставлено облисполкомам.

В 1931 г. была продолжена антикрестьянская политика «ликвидации кулачества как класса», новый этап которой не случайно совпадал с «новым подъемом» коллективизации. Эта политика, наиболее активно проводившаяся в начале 1930 г., привела к тому, что большинство так называемых кулацких хозяйств (если даже исходить из признаков, установленных постановлением СНК СССР от 21 мая 1929 г.) прекратили свое существование.

В таких условиях выявление «новых кулацких» хозяйств становилось нелегкой задачей для финансовых органов, которым стала принадлежать пальма первенства при определении социальной принадлежности крестьянских дворов. ЦИК и Правительство в конце 1930 г. сделали попытку в законе о едином сельскохозяйственном налоге на 1931 г. по-новому определить признаки кулацких хозяйств. Однако, по свидетельству М. И. Калинина, она не увенчалась успехом, поскольку «старые признаки кулачества почти отпали, новые не появились, чтобы их можно было зафиксировать». Выход из этого тупика нашли такой: постановлением ЦИК и СНК СССР от 23 декабря 1930 г. местным Советам было предписано самим устанавливать признаки кулацких хозяйств «применительно к местным условиям» [16]. Социальные грани между кулачеством и зажиточными слоями крестьянства размывались, на первый план все больше выступали имущественные различия. А основными признака-

ми отнесения крестьянского хозяйства к «кулацко-зажиточному» становились неуплата индивидуально-го налога, отказ от выполнения «твердого задания», нежелание вступить в колхоз.

Сложно было отличить кустика от эксплуататора, в этом случае предписывалось обратить внимание на применение систематической скупки сырья для предприятия и продажу продукции на частном рынке. Основная роль во многих случаях отводилась не конкретным экономическим признакам, а «социальному лицу хозяйства и степени зависимости от него окружающего населения». Характерно, что в таких обстоятельствах определиться можно было только «исключительно при помощи общественности» [10].

Таким образом, даже подробные инструкции местных органов оставляли больше вопросов, чем четких ответов. В таких условиях на местах процветали кумовство, взяточничество, произвол. Все это касалось как раскладки ЕСХН, так и раскулачивания, основанием для которого служили все те же признаки кулацких хозяйств. Причем, если хозяйство утрачивало прежние источники доходов в результате, например, самораскулачивания, оно все равно подвергалось репрессивным мерам как сохранившее возможность пользоваться доходами прошлых лет.

Значительная часть перечисленных категорий уже подвергалась репрессиям до начала коллективизации, настоящих кулаков в пензенской деревне почти не осталось уже к концу 1920-х годов. Поэтому основанием гонений часто служили имущественные признаки прошлых лет, родственные связи, неосторожные высказывания или личная неприязнь членов местных органов власти.

«Успехи» в деле коллективизации достигались и путем отнесения основной массы священнослужителей к «лишенцам», не имевшим права голоса на выборах в Советы, нередко приравняемых к кулакам. К началу 1931 г. было закрыто около 80 % всех сельских храмов страны, значительная часть духовенства попала в разряд «раскулаченных».

В секретном Проекте доклада Президиума ВЦИК в ЦК ВКП(б) о признаках зажиточности крестьянских хозяйств от 13 июня 1932 г. говорится: «Наиболее значительный и политически вредный срыв революционной законности выявляется таким образом. В настоящее время в общий обиход вошла формула «зжиточно-кулацкая верхушка деревни». За одни скобки берется кулацкая прослойка, которая определяется наличием нетрудовых доходов (в настоящее и прошлое время) и признаки которой довольно точно установлены законом, и прослойка зажиточно-средняцких хозяйств, которые определяются мощностью трудового хозяйства и признаки которых нигде законом не установлены. Первые подлежат лишению избирательных прав, индивидуальному обложению и раскулачиванию на основе сплошной коллективизации, вторые – только твердым заданиям» [15].

Последнее время, подчеркивается в документе, эти хозяйства назывались «кулацко-зжиточными» и к ним применяются одинаковые меры воздействия.

Фактически открывалась возможность подводить под раскулачивание любое средняцкое хозяйство. Так на практике под раскулачивание попадали сотни и тысячи средняков и бедняков. Это происходило по линии многократных твердых заданий и кратного штрафования, иногда в общей сумме превышающего стоимость всего наличного имущества. Даже тогда, когда крестьянин, не лишенный избирательных прав, вступил в колхоз, его могли исключить за наличие зажиточности до вступления, с полным раскулачиванием после исключения.

В числе других мер исправления такого положения предлагалось не раскулачивать хозяйства, которые за последние пять лет не носили кулацких признаков.

В материалах изученного фонда содержатся, помимо прочего, социально-экономические характеристики крестьянских хозяйств. В анкетах есть особый пункт с формулировкой «социальное положение» главы семьи. В ответах членов сельсоветов использованы следующие характеристики «кулак», «сын кулака», «жена кулака», «дочь кулака», «брат кулака», «кулачка», «кулацкое» (имеется в виду хозяйство), «зжиточный», «зжиточная», «средняк», «среднячка», «средняцкое», «бедняк», «беднячка», «бедняцкое». Перечисленные формулировки содержатся в 756 анкетах, что составляет 22% к общему количеству проанализированных анкет. Результаты подсчетов представлены в таблице 1.

Из таблицы видно, что основное количество пострадавших крестьян, анкеты которых содержат упомянутые характеристики, причислено к кулакам (85 %). В том числе члены их семей также составляют заметную группу (25 %). Чаще всего страдали сыновья кулаков. При этом в разделе имущественного положения детей и жен кулаков часто фигурировали данные отцов и мужей, даже если они были уже высланы, а имущество конфисковано. То есть, несколько человек несли ответственность за одно и то же «преступление» (например, обладание мельницей или крупным участком земли).

Характерно, что понятия «зжиточный» и «кулак» на практике совпадали, и меры в отношении таких хозяйств были одинаковыми. Об этом явлении упоминалось выше.

В современной исторической литературе есть мнения, что кулаков по определению (то есть эксплуататоров, получавших нетрудовые доходы), вообще не оставалось к началу 1930-х годов, а термины «кулак», «раскулачивание» имеют только политическое содержание [13]. В нашем случае можно проанализировать конкретные примеры, чтобы подтвердить или опровергнуть это утверждение.

Итак, примеры хозяйств, отнесенных к кулацким. Главный вывод, который они иллюстрируют – наличие большого участка земли, применение наемного труда, торговля связаны с дореволюционным периодом. К моменту раскулачивания эти признаки в данных хозяйствах отсутствовали.

АБРАМОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ, 47 л., мордвин из с. Мордовский Канадей Кузнецкого р-на.

Таблица 1

Социальный состав раскулаченных крестьян [7]

Характеристика	Количество, чел.	% к общему числу упоминаний социального положения
Кулак	431	60
Кулацкое	19	
Кулачка	3	
Дочь кулака	2	25
Сын кулака	157	
Брат кулака	1	
Жена кулака	32	
Зажиточный	35	5
Зажиточная	1	
Середняк	44	8
Середнячка	5	
Середняцкое	10	
Бедняк	14	2
Беднячка	1	
Бедняцкое	1	
Всего	756	100

До 1917 г. имел 20 десятин земли, 3 лошади, 2 коровы, 20 голов мелкого скота, 2 годовых и 10 сезонных работников. В 1931 г. не имел ничего. До 1928 г. перепродавал мясо, рыбу, хлеб, верёвки и т.д. Состоял в колхозе в 1929–1931 гг., вычищен в апреле 1931 г. как кулак. Семья 12 чел., трудоспособных – 5.

ВЕРШКОВА ЕВДОКИЯ АНДРЕЕВНА, 48 л., русская, с. Кармалейка Керенского р-на. До революции владела крупным участком земли (отруб 108 га), сложной с/х техникой, эксплуатировала наемный труд. Кулачка. Избирательных прав лишена в 1929 г. Имущество отчуждалось дважды по ст. 61 УК РСФСР. Раскулачена по 2-й категории в марте 1930 г. Семья 6 чел., трудоспособных – 5.

Следующая группа хозяйств, принадлежащих членам кулацких семей. Видно, что сведения об имущественном положении не только связаны с дореволюционным периодом, но и совпадают в обоих случаях. Значит, и отец и сын подверглись раскулачиванию за наличие в их хозяйстве наемных работников (до 1917 г.).

КОРОВИН СЕМЕН РОМАНОВИЧ (сын кулака), 24 г., русский, малограмотный, с. Свинуха Мокшанского р-на. До 1917 г. имел 20 десятин земли, 3 лошади, 3 коровы, 15 голов мелкого скота, 2 годовых и 2-3 сезонных работников. В 1931 г. имел 10 десятин земли. Избирательных прав лишен в марте 1931 г. Арестован ОГПУ и выслан в том же году.

Его отец, **КОРОВИН РОМАН ПЕТРОВИЧ**, 46 л., русский, малограмотный, с. Свинуха Мокшанского р-на. До 1917 г. имел 20 десятин земли, 3 лошади, 3 коровы, 15 голов мелкого скота, 2 годовых и 2-3 се-

зонных работников. В 1931 г. имел 10 десятин земли. Служил в старой армии кавалеристом в 1914–1917 гг. Имущество отчуждалось в 1928–1931 гг. за неуплату налогов и невыполнение хлебопоставок. Привлекался к суду по ст. 107 и 61 УК РСФСР. Раскулачен дважды. В 1930 г. лишен избирательных прав, но был восстановлен из-за недостатка материала. В начале 1931 г. арестован ОГПУ и выслан по II категории. Семья 8 чел., трудоспособных 3.

Какие же хозяйства охарактеризованы в документах как зажиточные? Из следующих примеров видно, что количество земли до революции в этих хозяйствах было меньше, чем в «кулацких». К началу 1930-х годов у них сохранились земля и скот.

АВЕРЬЯНОВ ФЕДОР АРСЕНТЬЕВИЧ, 42 г., русский, малограмотный, с. Лебедевка Пензенского р-на. До 1917 г. имел 6 десятин земли, 2 лошади, 2 коровы, 15 голов мелкого скота, 3–4 сезонных работника. В 1931 г. имел 2 десятины земли и лошадь. Зажиточный. С 1923 по 1928 гг. скрыто торговал сеном. Служил в царской армии в 1914–1916 гг. Участник выступления крестьян в июне 1931 г. во время изъятия скота для выполнения плана заготовок. Выселен в 1931 г. Семья 5 чел., трудоспособных – 2.

АГАФОНОВ ЯКОВ ФЕДОРОВИЧ, 1895 г.р., русский, грамотный, Степановский с/с Пензенского р-на. Зажиточный. До 1917 г. имел 15 десятин земли, 2 лошади, 2 коровы, 10 голов мелкого скота, молотилку. В 1931 г. имел душевой надел. Имущество отчуждено за невыполнение хлебозаготовок по ст. 61 УК РСФСР. Раскулачен в 1932 г. Арестован в апреле 1933 г. за антисоветскую агитацию.

Обратимся к середняцким хозяйствам. Явное отличие от «кулацких» и «зажиточных» – отсутствие больших участков земли, наемных работников, сложной сельхозтехники, фактов торговли. В принципе, такие хозяйства не должны были раскулачиваться.

АЛЕКСЕЕВ АЛЕКСЕЙ АНДРЕЕВИЧ, 60 л., русский, малограмотный, Саловский с/с Пензенского р-на. Середняк, член сельсовета в 1922 г. До 1917 г. имел 2 десятины земли, лошадь, корову, 2 овцы. В 1931 г. имел 5,5 десятин земли, лошадь, 2 овцы. Арестован в марте 1931 г. Семья 7 чел., трудоспособных – 4.

Наконец, каким образом бедняцкие хозяйства подвергались разорению? Ниже следуют типичные примеры, иллюстрирующие, как неуплата налогов, антиколхозный настрой приводили к гонениям на главы крестьянского хозяйства.

АЛЕХИН ПАВЕЛ ЯКОВЛЕВИЧ, 39 л., русский, с. Васильевка Пензенского р-на. Бедняк, зачислен сельсоветом в категорию зажиточных. Лишен избирательных прав в 1929–1930 гг. за аренду земли, восстановлен в декабре 1933 г. Имущество конфисковано за неуплату налогов и задатков на трактора. Семья 7 чел.

АЛЕШАЕВ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ, русский, Шейнинский с/с Пачелмского р-на. Бедняк, церковный староста. Вел агитацию против колхозов, участник крестьянского волнения против мясозаготовок. Арестован в июне 1931 г.

Итак, мы действительно не обнаружили «кулаков» среди раскулаченных пензенских крестьян к началу 1930–х годов. Но имущественные признаки, на наш взгляд, все-таки оказали влияние на эти хозяйства. В том смысле, что во всех случаях в расчет брались признаки прошлых лет. Иначе местным органам просто невозможно было раскулачить такое количество хозяйств, которое требовал Центр. Поэтому искали «кулаков» любыми способами. Среди других методов – подведение под раскулачивание за антиколхозный настрой и неуплату налогов.

Если при изучении этого вопроса руководствоваться признаками кулацких хозяйств, по которым в изучаемый период дифференцировалось население деревни, то основное количество пострадавших крестьян причислено к кулакам (85 %). В том числе члены их семей составляют 25 %. Средняцкие хозяйства – 8 %, зажиточные – 5 %, бедняцкие – 2%.

Настоящих «кулаков» (если под этим термином понимать граждан, живущих на нетрудовые доходы) среди раскулаченных пензенских крестьян к началу 1930–х годов нами не обнаружено. В единичных случаях встречаются владельцы сложного сельхозинвентаря и предприятий, крупного скота (1–2 головы). То есть, использованные в документах того времени характеристики «кулак», «зажиточный» и тому подобные, являются во многом условными и не отражают реального состояния крестьянского хозяйства.

Прежде чем приступить к подробному анализу фактора возраста в процессе раскулачивания, следует пояснить методику наших подсчетов. В связи с разно-

родностью источников (личные дела раскулаченных «лишенцев», повагонные списки выселяемых) было решено разделить подсчет возрастного состава на 2 этапа. Во-первых, целесообразно более подробно охарактеризовать возраст глав семей, так как раскулачивание проводилось прежде всего по признакам главы крестьянского хозяйства. По этому аспекту имеются наиболее полные сведения в упомянутых личных делах крестьян, лишенных избирательных прав. Во-вторых, было решено объединить все данные в общую базу и подсчитать количество трудоспособных и нетрудоспособных крестьян среди общей массы раскулаченных. При этом под нетрудоспособностью мы будем подразумевать возраст (моложе 18-ти и старше 60-ти лет включительно), как указывалось в документах.

Итак, обратимся к подробному анализу возрастного состава глав раскулаченных крестьянских семей. Следует подчеркнуть, что его диапазон очень широк. Чтобы наиболее полно представить эти данные, все категории были разбиты на 16 возрастных групп. При этом в 85 анкетах возраст не указан, поэтому соотношение рассчитывалось к общему количеству дел с указанием на возраст, то есть к 4681. Результаты наших подсчетов представлены в следующей таблице 2.

Таблица 2.
Возрастной состав раскулаченных крестьян Пензенского края [6]

Возраст крестьян	Количество, чел.	Отношение к общему количеству, в процентах
18	55	1,2
19-20	114	2,4
21-25	374	8
26-30	351	7,5
31-35	340	7,3
36-40	458	9,8
41-45	717	15,3
46-50	754	16
51-55	648	13,8
56-60	555	11,9
61-65	204	4,4
66-70	72	1,5
71-75	25	0,5
76-80	11	0,2
81-85	1	0,02
86-90	2	0,04
Всего	4681	100

Таким образом, в составе раскулаченных преобладают крестьяне в возрасте 31–60 лет (62 %). Максимальное количество приходится на возраст 46–50 лет (16 %). Из таблицы видно, что есть случаи раскулачивания и нетрудоспособных граждан (6,7 %). Конечно, это грубейшее нарушение в действиях местной власти, даже для периода коллективизации. Более того, в делах фонда значительное место занимают материалы, из которых следует, что выселению подвергались члены семей кулаков, в том числе младенцы первого года жизни и старики свыше 90 лет. Также нами отмечено 17 случаев, в которых глава семьи – инвалид, но особого отношения к нему со стороны местных органов не выявлено. Хотя эта группа нетрудоспособного населения была вынуждена нанимать батраков и становиться «эксплуататорами», будучи не в состоянии самостоятельно кормить семью.

Есть возможность сравнить результаты наших подсчетов с показателями по другим регионам. Например, диссертационное исследование А. А. Ракова посвящено раскулачиванию на Южном Урале [11]. Автором был реконструирован социальный портрет раскулаченных крестьян указанного региона. Средний возраст соответствует 45,5 годам. Это совпадает с нашими подсчетами (как упоминалось выше, среди глав крестьянских хозяйств преобладали лица в возрасте 46–50 лет).

Обратимся к материалам общей базы, включающей в себя все раскулаченные хозяйства. Как упоминалось выше, база создана из разнородных источников (личных дел «лишенцев» и повагонных списков выселенных крестьян). Поэтому целесообразнее подсчитать общее количество крестьян трудоспособного и нетрудоспособного возраста, подвергнутых раскулачиванию (в том числе выселенных, лишенных избирательных прав и имущества).

Итак, среди глав крестьянских семей трудоспособные составляют 6051 чел., нетрудоспособные – 497 (чаще всего, это «кулаки» преклонного возраста, бывшие помещики, а также члены их семей, имевшие общее хозяйство). В числе членов семей трудоспособного возраста – 10656 чел., нетрудоспособного – 9597 чел. То есть, среди раскулаченных членов семей старики и дети составили почти половину от общей цифры.

Большое количество найденных документов не содержит указаний на возраст глав и членов семей. Это встречается соответственно в 7570-ти случаях (главы хозяйств) и 19576-ти случаях (члены семьи). В некоторых сведениях упоминается о наличии семьи у главы крестьянского хозяйства, но нет указания на ее состав.

Подведем итоги. Общее количество раскулаченных с указанием на возраст – 26801 чел. Из них трудоспособные составляют 16707 чел. (и главы и члены семей) или 62 %. Нетрудоспособные соответственно 10094 или 38 %. Значит, среди всех раскулаченных дети и старики составляют более 1/3. Причем основное их количество приходится на членов семей «кулаков». Их раскулачивание и выселение являлось самым

неэффективным с экономической точки зрения, но самым действенным и наглядным – с политической. Иными словами, способствовало запугиванию населения деревни и подталкивало к вступлению в колхозы. Кроме того, в такой ситуации пропадала сама психология «крепких» хозяев, их дети наглядно видели отсутствие возможности расширять и развивать свое хозяйство.

Итак, среди глав раскулаченных крестьянских хозяйств преобладают русские, охарактеризованные как «кулаки», в возрасте 46–50-ти лет.

Благодарности: статья подготовлена в рамках *Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект № П567 «Раскулачивание крестьянских хозяйств (на примере Пензенского края)».*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винокуров Г. Ф. Раскулачивание и депортация пензенских крестьян в 1931 г. // Пензенское краеведение: опыт и перспективы развития. Материалы областной научной конференции. Пенза, 2005; Есиков С. А. Коллективизация в Центральном Черноземье: предпосылки и осуществление (1929–1933 гг.). Тамбов: ТГТУ, 2005; Кирьянова Е. А. Коллективизация Центра России (1929–1937) // Отечественная история. 2006. № 5; Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов: Трагедия российской деревни. М., 2008; Надькин Т. Д. Деревня Мордовии в начале 1930-х гг.: коллективизация, репрессии, голод. Саранск, 2004; Савельев С. И. Раскулачивание: как это было в Нижне-Волжском крае. Саратов: СГСХА, 1994; Рыбаков П. А. Политика сплошной коллективизации в Московской области // Вопросы истории. 2008. № 11; Тимошечкина Е. М. Присвоение имущества раскулаченных в Центрально-Черноземной области в 1929–1930 гг. // Вопросы истории. 2010. № 1.
2. ГАПО. Ф. р-889. Оп. 1. ДД. 1-6611.
3. Доброноженко Г. Ф. Методология анализа социальной группы «кулаки» в отечественной историографии // Российская история. 2009. № 5; Милосердов В. В. Многострадальная судьба российского крестьянства. Екатеринбург, 2009; Раков А. А. Кто такой «кулак»? (Опыт регионального исследования по материалам Южного Урала) // Российская история. 2009. № 5; Сахаров А. Н. 1930: год «коренного перелома» и начала Большого террора // Вопросы истории. 2008. № 9; Тимошечкина Е. М. «У нас нет кулаков!»: крестьянство и политика «раскулачивания» в локальном измерении // Российская история. 2010. № 2).
4. Золотая летопись Пензенского края. Минск, 2007. С. 24.
5. Коллективизация и раскулачивание: 1927–1939. Документы и материалы: В 5-ти томах. М., 1999–2001. Т. 2. С. 260–261.
6. Подсчитано по материалам: ГАПО. Ф. р-889. Оп. 1. ДД. 1-6611.
7. Подсчитано по материалам: ГАПО. Ф. р-889. Оп. 1. ДД. 1-6642.

8. Подсчитано по материалам: ГАПО. Ф. р-889. Оп.1. ДД. 1-6642.
9. Подсчитано по материалам: ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 109. Д.116. Л. 352.
10. Признаки кулацких хозяйств, установленные законом о СХН на 1931 год. Псков, 1931. С. 5–6.
11. Раков А. А. Раскулачивание крестьян Южного Урала (1930-1934 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2008. С. 138.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 120. Д. 119. Л. 136–137; Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 498.
13. См., например, Доброноженко Г.Ф. Методология анализа социальной группы «кулаки» в отечественной историографии // Российская история. 2009. №5. С. 90.
14. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР. 1929. № 34. Ст. 301; 1930. № 9. Ст. 105.
15. Трагедия советской деревни ... Т. 3. С. 18–19.
16. Трагедия советской деревни ... Т. 2. С. 164.